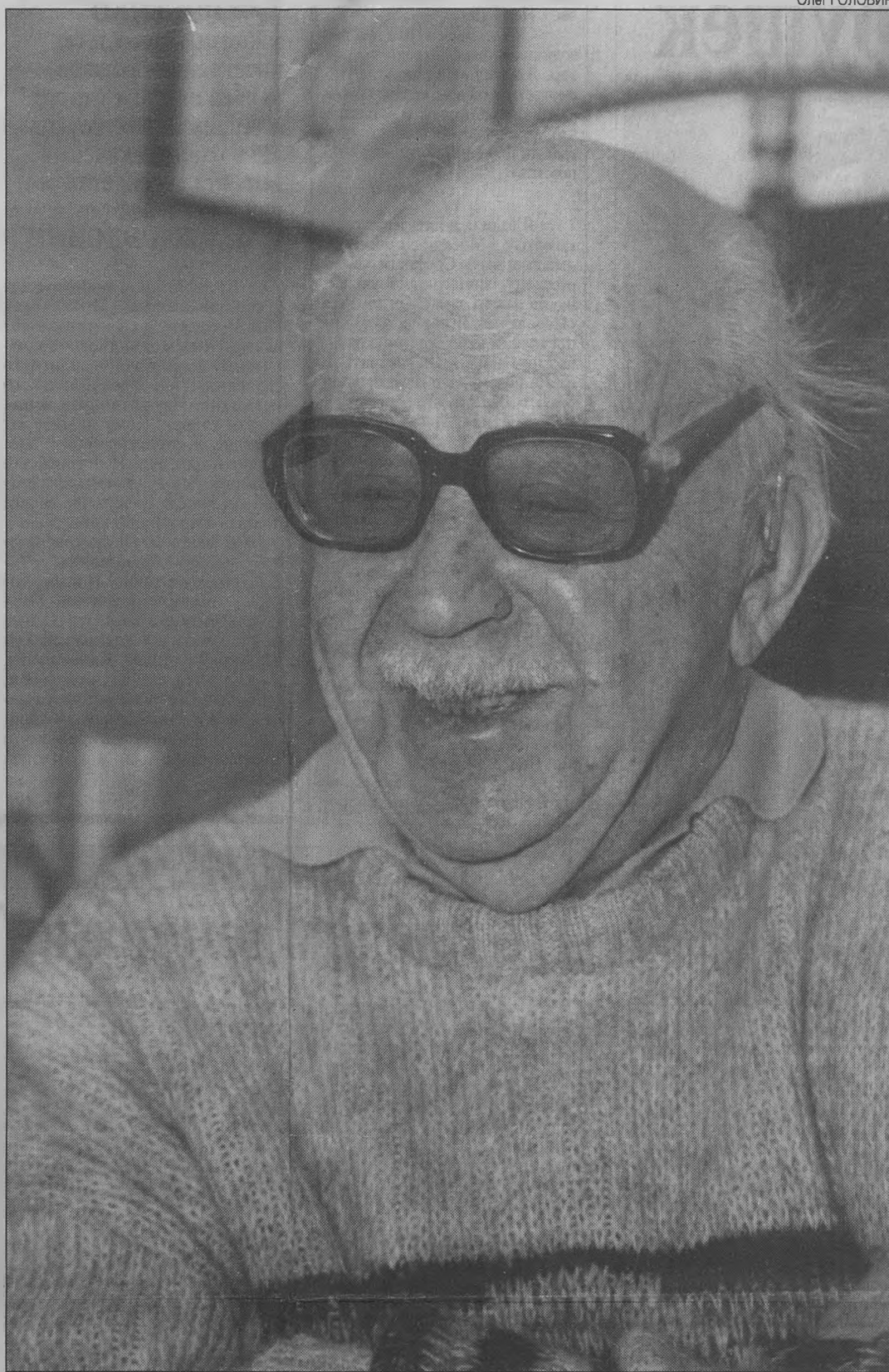

Смех и грех Никиты Богословского

Олег ГОЛОВИН

— Никита Владимирович, вы покупаете «СПИД-Инфо»?

— Некоторые издания бесплатно и без моего участия делают меня своим подписчиком.

— Гастролирная жизнь располагает к многочисленным провинциальным романам.

— Мне нечем похвастаться. Другое дело — знаменитый скрипач Миша Гольдштейн. У него была картотека на женщин во всех городах страны. Карточки содержали полезную информацию типа: «хорошо умеет готовить рыбу, ночевать нельзя». Пользоваться своей картотекей еще кому-нибудь он категорически запрещал, ревновал...

Я старался по возможности не говорить, кто я есть. Так было в начале вагонных романов, самых бурных и краткосрочных: обычно они заканчиваются в минуту прибытия в пункт назначения. Как-то я представился инженером в какой-то заушной области, а моя избранница оказалась специалистом в той же области. Я был в идиотском положении и перевел разговор на другую тему.

Самая веселая история произошла с моим большим другом Сашей Менакером. У него приболел любимый кот, и мы отправились в ветеринарную лечебницу. Рядом с нами в очереди сидела симпатичная девушка с кошечкой. Саша тогда был холостым и весьма до жуликоватой юностью. Он начал активно клеиться, и все бы ничего, да тут открывается дверь кабинета и медсестра во всю глотку рывает: «Менакер! На кастрации!»

— Считается, что с умной женщиной сложно водить любовные романы. Что наиболее расположено к чувственным отношениям люди культуры. Ваш многолетний опыт тому подтверждение?

— Опровержение: я предпочитаю общаться с женщинами не из своей сферы. «Наши» любой разговор переводят на обсуждение себя любимой или, что совершенно невыносимо, начинают поверхностно философствовать.

Что касается женского ума, он не помеха любви. Если у отношения есть интеллектуальный фундамент — эта почва самая устойчивая.

— Чем отличаются русские женщины от зарубежных?

— Неряшливость и умом. Я не согласен, что любовь понятие международное: основа, может быть, и одинакова, но оттенки разные. У меня никогда не было романов с иностранками.

— Вы были в хороших отношениях с женами ваших друзей?

— Некоторых терпеть не мог, но приходилось.

— Есть ли что-то общее у жен известных людей?

— Как правило, они органично дополняют своих мужей. Некоторые, правда, слишком инстинктивно пробивают дорогу своим половинкам. Особенно хорошо женщины держатся, когда становятся вдовами: даже более милыми, ласковыми, ничего не выпрашивающими и не требующими. Очень отзывчивыми на сочувствие и дружбу. Они хотят одного: издать то, что осталось от покойника. Бюрократы в издательствах считают их назойливыми, на самом же деле это заслуживающая одобрения настойчивость.

— Последний вопрос о любви, но уже не к родителям и женщинам. Хотелось бы увидеть вас еще в одном ракурсе — отца и деда. Вы дружите с сыном?

— Мы очень близки с Андреем. Он закончил Литературный институт. Был на семинаре у Льва Ошанина: я, говорит, рассуждаю на то, что в конце концов чему-то его научу. Чувство юмора Андрей от меня унаследовал, это точно. У меня же прошел композиторский курс. У сына вышел двойной диск, он написал рок-оперу-фантазию по Гриновскому «Алым парусам». Ее во многих странах играли. Но главное — мне понравилось.

— Как вы чувствуете себя в роли дедушки?

— Немного странно, но хорошо. Я, к сожалению, не часто вижу своего внука Ваню — Андрей в разводе с женой.

— С возрастом способность влюбляться не пропадает?

— Я бы так ответил: седина в голову — собес в ребро.

— Богословский и юмор — близнецы-братья. Ваши шутки

передают из поколения в поколение. А сами вы на розыгрыши попадались?

— Дважды. Я послал своему приятелю, драматургу Штоку, письмо от имени некоего гражданина, расстроенного тем, что фамилия и инициалы отрицательно героя его новой пьесы совпадают с его собственными, и требующего немедленного изменения имени героя. Шток прислал вежливый ответ с извинениями. Довольный, рассказывая про этот случай друзьям, они на меня странно так смотрят и говорят: «Ты прочитай письмо Штока по первым буквам». Акростих содержал весьма неслучайную мою характеристику. Оказалось, что, отправляя письмо Штоку, я машинально оставил на конверте свой обратный адрес. А наш общий друг футболист Андрей Старостин, наблюдательный человек, ткнул Штоку пальцем в адресочек.

Другой раз избыток юмора моих друзей чуть было не закончился для меня печально. Марк Фрадкин заехал ко мне в гости, вернувшись с концертов из Питера. Там он останавливался у Соловьева-Седого. Мы поболтали, и он уехал домой. Через полчаса перезванивает и рассказывает, как здорово сейчас в Ленинграде. Я говорю: «Ты разве не в Москве?» — «Да что ты, я в гостях у Седого. Не веришь — перезвони». Я позвонил, подошел к телефону Седой, подтвердил, что Марк у него, и передал ему трубку. Я попросил позвать к телефону жену Фрадкина Раю. Она подошла. В полном замешательстве я лег спать и проснулся от телефонного звонка Марка. «Ты откуда?» — «Что за вопрос, из Москвы». — «Я же ночью с тобой разговаривал, ты был в Питере». — «Ты что, Никита, я давно вернулся, мы же с тобой виделись». Я понял, что сошел с ума. Марк почувствовал, что я всерьез нервничаю и раскололся: оказывается, эти паразиты записали голоса на магнитофон, предположив мои возможные вопросы.

— Друзья отвечали вам в вашем стиле?

— Смирнов-Скоковский, к примеру, превратил «Любимый город может спать спокойно» в гимн ассенизаторов, изменив в слове «спать» всего-то одну букву «п».

— «Темную» вам не устраивали?

— Никогда.

— Вам не приходило в голову, что розыгрыш может обернуться обидой или оскорблением?

— Я шутил только над близкими друзьями, теми, в ком, я уверен, развито чувство юмора. Над чужими старался не шутить. Хотя был случай: в двадцатых годах в Ленинграде выпустили телефонный справочник, в котором кроме фамилий абонентов были указаны еще имена и отчества. Я наткнулся на фамилию «Ангелов Ангел Ангелович». Тут же набрал номер и попросил к телефону Черта Чертовича. Так я делал многократно в течение довольно длительного времени, пока на том конце, едва услышав мое дыхание, не стали молча класть трубку. Спустил десятки лет, листая в отеле «Европейская» телефонную книгу, вижу: «Ангелов А.А.». Ради интереса набираю номер и прошу к телефону понятно кого. Надтреснутый старческий голос отвечает: «Ты еще жив, сволочь?»

— Женщин вы разыгрывали?

— Женщин не трогал, потому что они обидчивые.

Однажды я ужинал в ресторане, спохватился, что забыл кошелек. Увидел за соседним столиком одну весьма известную актрису и одолжил деньги у нее. Весь вечер она назойливо допекала: «Только не забудь отдать... Нет, ты точно не забудешь?» Я начал отдавать долг прямо на следующее утро: ежедневно высылал ей в конверте по рублю, хватило на несколько месяцев. Но это не розыгрыш даже, просто адекватный ответ.

— У вас были конкуренты, кто мог соревноваться с вами в остроумии?

— Остроумие складывается из наблюдательности и ума. И из способности успеть пошутить вовремя. Тема найдется всегда. Хотя бы кулинария: мы любили с друзьями проводить время в уютном кафе в «Национале». Сидим за столом, Юрий Олеся замечает: «Раков не едят. Их разрушают». Михаил Светлов немедленно возражает: «Полданные мозги такие светлые, как будто теленок еще ни разу не думал». Олеся не унимается: «Открытая коробка шпрот выглядит, как народный хор. Напоминает сложные на животе руки». Светлов, минуту подумав: «А банка с маринованным красным перцем похожа на раздевалку в общежитии у гномов».

— В каких вы отношениях с властью?

— Ни в каких. И никогда не был. Мне единственное общение с нашим мэром случилось вот каким образом: Институт теоретической астрономии присвоил малой планете мое имя. Это радостное событие было несколько омрачено моим заткнувшимся непростым материальным положением.

— Если в традиционное пришествие добавить всего-то одну запятую, то вопрос станет отражать настроение времени: «Как, ты живешь?»

— Как вам удается все помнить в красках и деталях?

— Повезло. Склероз был настолько рассеянным, что забыл меня посетить.

— Я написал Лужкову письмо: «Оплачивать квартиру денег нету».

И, видимо, не будет никогда. Назвали моим именем планету, мне туда?

Мое потенциальное местожительство имеет в диаметре 10 километров, а долететь до него можно всего за 10 минут, правда, со скоростью света.

Лужков немедленно ответил: «Я убежден, что трудности любые мы пройдем. А если что не так, то полетим вдвоем».

Юрию Михайловичу можно подумать о такой возможности, потому что шансов иметь собственную планету у него нет: небесные тела называют именами политических деятелей запрещено.

— Еще совсем недавно люди, стоящие у власти, остроумием не отличались. Вы не боялись, что последним смеяться будете не вы?

— Власть державших я не боялся, скорее они побаивались меня. Меня не приглашали участвовать в официальных концертах: зная мой веселый нрав, не были уверены, что я чего-нибудь не выкину.

— Вы потомственный дворянин, один ваш дед был камергером Императорского двора, другой — премьером Мариинского театра. Как с такой родословной вам удалось избежать неприятностей?

— В анкете в графе «происхождение» я писал «б. двор», что могло означать вовсе не «бывший дворянин», но «бывший дворник».

— Вы осмеливались шутить с властью?

— Подшучивать. Как-то, заполняя анкету для зарубежной поездки, эксперимента ради в графе «пол» написал «самец», а в «занятие до Октябрьской революции» — «дитя». Обошлось.

Как-то я был в Тунисе, наш автобус обступили голодные дети и стали вымогать деньги. Я сказал: «Если вы хотите, чтобы советские туристы давали вам денег, надо кричать: «Софронов — дерьмо!» (Софронов был зампредом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки). Через месяц возвращается из Туниса группа наших художников и рассказывает: «Представляете, там местные дети кричат: «Софронов — дерьмо!» Интересно, как они про это узнали?»

— Как вы относитесь к тому, что происходит за окном?

— Если в традиционное пришествие добавить всего-то одну запятую, то вопрос станет отражать настроение времени: «Как, ты живешь?»

— Как вам удается все помнить в красках и деталях?

— Повезло. Склероз был настолько рассеянным, что забыл меня посетить.

Беседовала
Наталья ЩЕРБАНЕНКО

«Нет повести забавнее на свете». Ромео — Богословский и Джульетта — Раиса Стручкова. «Капустник» в ЦДРИ, 1951 год.

«Старость — это налог, который мы платим за право побывать молодым», — игриво улыбается Никита Богословский, 83-летний композитор и писатель, остроумец и дамский фаворит.

— Когда вы впервые услышали слово «любовь»?

— Про любовь к матери, отцу, к товарищам знал в раннем детстве. В последнем классе школы это слово приобрело другой оттенок, тот самый, о котором вы спрашиваете.

— А почувствовали?

— Я был воспитан в старых петербургских традициях и первые романы носили платонический характер. Лет в шестнадцать я страшно влюбился в свою однокурсницу Люсеньку Кернер. Всюду сопровождал ее, таскал тяжеленный портфель. Мне очень нравился ее отец, он был инженер и умел делать так, что электрические счетчики крутились в обратную сторону. После школы мы разошлись в разные стороны, расстались. И вдруг в 63-м году раздается звонок... Люсенька! Из Парижа! Судьба у нее сложилась удивительная. Войну она встретила на южном курорте. Хорошо знала французский язык и выдавала себя за французскую. Ее вывели на работы в Германию. Потом ее освободили союзники, то ли англичане, то ли американцы. Она добралась до Парижа, где жила ее тетка, там и осталась. Всякий раз, когда бываю в Париже, мы встречаемся с Люсенькой.

— Глобальные события в вашей жизни с женщинами как-то были связаны?

— В Театре Юного зрителя в Ленинграде я сидел рядом с девочкой, хорошенькой, худенькой. Она мешала смотреть спектакль: крутилась, реплики отпускала. В антракте мы познакомились, и Дита с детской непосредственностью пригласила меня на день рождения. Я, признаться, очень любил ходить на праздники. (Не всегда, правда, они радостно заканчивались: на дне рождения у Алика Менакера я, резвясь, задел какую-то полку, с нее свалилась большая ваза и разбилась вдребезги. Пришел папа Алика, я говорю ему, рыдая: «Простите, пожалуйста, я разбил замечательную новую вазу». Он с натянутой улыбкой отвечает: «Не волнуйся, мальчик. Она уже не новая. Ей двести лет».) Так вот, я попросил у мамы, чтобы она дала мне для подарка кольцо какое-нибудь или ожерелье. Что ответила мама, предположить нетрудно. Тогда я написал в подарок первое в своей жизни музыкальное сочинение под названием

«Дита» — абсолютно безграмотную муру.

В детской комнате собралось много детей, и Дита объявила, что мы будем ужинать вместе со взрослыми. Дети приуныли. «Да что вы, — сказала именинница, — они же такие хорошие, папины друзья: дядя Миша Зошенко, дядя Исаак Бабель, дядя Володя Софроничий». Хозяйина дома еще не было, а когда он появился, я забил про всех, и даже про Диту, которая сидела рядышком и игриво на меня поглядывала. Ее отец был Леонид Осипович Утесов.

Так впервые я встретил своего будущего большого друга и коллегу. Я стал часто бывать в доме, у меня было какое-то притяжение к Дите, хотя мы ни разу даже не поцеловались. Много позже я стал бывать уже у Леди Утесова. Всю жизнь, до самой Дитиной смерти, мы с ней крепко и нежно дружили.

— Целомудренные воспоминания... А другие, менее платонические увлечения?

— Много было разных связей: и страстных, и холодных, единственное, чего не случалось, — по расчету общаться с женщинами.

— Что такое холодный роман?

— Когда связь обязательная, чисто физиологическая, без каких-либо особых чувств.

Я увлекся быстро и часто. У меня был сравнительно со стандартно несколько укороченный срок ухаживания.

— Это сколько?

— Неделя-вторая. Я приверженец стандартного джентльменского набора: цветы, ресторан и, конечно, письма. В любви все средства хороши. И чем они больше, тем лучше.

В войну у меня был серьезный роман, едва не закончившийся браком с одной очень известной актрисой. Однажды я прислал ей телегу, наполненную цветами.

— Куда уходит чувства?

— Они по ночам потихонечку уползают: с каждым утром яснее понимаешь, что тянет тебя к человеку все меньше и меньше. Я старался не доводить распад до полного конца: со всеми моими бывшими любовными сохранялись теплые отношения.

— Вам знакомы ощущения покинутого человека?

— От меня уходили два раза: одна ушла, оставив письмо, а вторая собрала манатки и уехала к маме.

Знаете, я сейчас подумал — это не у меня было много романов, просто я прожил очень много лет, и, естественно, по закону больших чисел у меня было больше замечательных событий.

— Не кокетничайте, пожалуйста, Никита Владимирович.

После школы я вел рассеянный образ жизни: бесконечное число увлечений, влюбленностей и приключений. Так продолжалось до первого моего брака: я женился в 25 лет, моей невесте исполнилось 20. Весьма эксцентричная была дама, чуть-чуть с сумасшедшиной. Прожили вместе мы ровно полгода. В какой-то период мы еле сводили концы с концами, дома не было ни копейки. Наконец мне заплатили приличный гонорар. «Ну, Ирина, можно жить спокойно», — говорю я ей и отдаю всю сумму. На следующий день она просит: «Дай денег на хозяйство». Немая сцена. Оказалось, на все деньги она купила в комиссионке настоящие кандалы Рылеева!

Спустя время она вышла за-

шла ко мне в гости. Полгода мы прожили гражданским браком, потом расписались.

— Возможен ли роман внутри семьи? Или он заканчивается, как только начинается быт?

— У старомодных людей брак не отменяет любовь. Она остается, к ней добавляются привязанность и зависимость.

— Кто в семье ведущий, а кто ведомый?

— В большой степени это зависит от профессии людей и от темперамента. Не обязательно главным бывает тот, кто приносит деньги. Зависит от того, как с первых дней совместной жизни поставить себя в семье.

— Ваша «Темная ночь» стала гимном любви. Даже новое поколение о Великой Отечественной войне, трогает мелодия. Как вам удалось совпасть с настроением того времени и остаться современным до сих пор? Кто та женщина, о которой вы думали, когда писали «Темную ночь»?

— На фоне трескучих маршей тех лет «Темная ночь» не могла не выделиться.

Я никого не представляю, когда пишу музыку. Какие-то песни я уже потом посвящал милым мне женщинам.

— Любимую свою песню вы, конечно, не можете определить?

— Могу! Самая дорогая мне песня в некоторой степени автобиографична: «Почему ж ты мне не встретишься, юная, нежная? В те гола мои далекие, в те гола, вешние. Голова стала белою, что же с ней я подеваю... Почему же ты мне встретишься лишь сейчас».

— Знаю, знаю. Бабушка моя эту песню очень любит...

— Мне приятно, что «Спят курганы темные», и «Любимый город может спать спокойно», и «Темную ночь» до сих пор поют с удовольствием и в домашних компаниях, и на концертах. Многие мои работы выдержали испытание временем.

— Как вам кажется, чувства разных эпох — это разные чувства? В наше время любовь трансформировалась, изменилась?

— Отношения стали более легкомысленными. Большинство современных романов — это моментальные вспышки чувств, которые спустя немного времени заканчиваются разводами. Преступно действовать под влиянием импульсов, но нельзя же пренебрегать будущим. Мне очень нравится такая вещь, как помолвка.

Потом сейчас стало хорошим тоном оповещать широкую общественность о своих интимных приключениях. По-моему, чувств от этого обесцениваются. Настоящий серьезный роман, когда о нем известно только двоим. Даже после его окончания.

— Как вы относитесь к однополый любви?

— Спокойно: меня это не касается. Пускай голубые видят все в

розовом свете. Главное, чтобы «Голубую книгу» Зошенко не покупали заинтригованные читатели, думая, что там про «это».

Вообще не люблю крайностей. Меня раздражало ханжество, которое нормальным отношениям давало какие-то деревенские опаренности, типа: «он с ней гуляет» или «они встречаются». А дети откуда? Сейчас крайность другая, теперь получают удовольствие от произнесения каких-то слов. Газета «СПИД-Инфо», например, — забавная детская газета для взрослых.

Муж за поэта Владимира Лившицу, мы дружили домами, она стала довольно известной художницей. Если она еще жива, то, наверное, живет в Москве.

Второй брак продолжался очень долго — 37 лет. Наташа была замечательная, образованная, талантливая, красивая женщина, журналистка. Она скончалась в 89-м году.

Я, между прочим, и сейчас женат. У меня чудная жена Алла. Мы познакомились на ее творческом вечере в Доме композиторов, на следующий день она при-

ехала ко мне в гости. Полгода мы прожили гражданским браком, потом расписались.

— Возможен ли роман внутри семьи? Или он заканчивается, как только начинается быт?

— У старомодных людей брак не отменяет любовь. Она остается, к ней добавляются привязанность и зависимость.

— Кто в семье ведущий, а кто ведомый?

— В большой степени это зависит от профессии людей и от темперамента. Не обязательно главным бывает тот, кто приносит деньги. Зависит от того, как с первых дней совместной жизни поставить себя в семье.

— Ваша «Темная ночь» стала гимном любви. Даже новое поколение о Великой Отечественной войне, трогает мелодия. Как вам удалось совпасть с настроением того времени и остаться современным до сих пор? Кто та женщина, о которой вы думали, когда писали «Темную ночь»?

— На фоне трескучих маршей тех лет «Темная ночь» не могла не выделиться.

Я никого не представляю, когда пишу музыку. Какие-то песни я уже потом посвящал милым мне женщинам.

— Любимую свою песню вы, конечно, не можете определить?

— Могу! Самая дорогая мне песня в некоторой степени автобиографична: «Почему ж ты мне не встретишься, юная, нежная? В те гола мои далекие, в те гола, вешние. Голова стала белою, что же с ней я подеваю... Почему же ты мне встретишься лишь сейчас».

— Знаю, знаю. Бабушка моя эту песню очень любит...

— Мне приятно, что «Спят курганы темные», и «Любимый город может спать спокойно», и «Темную ночь» до сих пор поют с удовольствием и в домашних компаниях, и на концертах. Многие мои работы выдержали испытание временем.

— Как вам кажется, чувства разных эпох — это разные чувства? В наше время любовь трансформировалась, изменилась?

— Отношения стали более легкомысленными. Большинство современных романов — это моментальные вспышки чувств, которые спустя немного времени заканчиваются разводами. Преступно действовать под влиянием импульсов, но нельзя же пренебрегать будущим. Мне очень нравится такая вещь, как помолвка.

Потом сейчас стало хорошим тоном оповещать широкую общественность о своих интимных приключениях. По-моему, чувств от этого обесцениваются. Настоящий серьезный роман, когда о нем известно только двоим. Даже после его окончания.

— Как вы относитесь к однополый любви?

— Спокойно: меня это не касается. Пускай голубые видят все в

розовом свете. Главное, чтобы «Голубую книгу» Зошенко не покупали заинтригованные читатели, думая, что там про «это».

Вообще не люблю крайностей. Меня раздражало ханжество, которое нормальным отношениям давало какие-то деревенские опаренности, типа: «он с ней гуляет» или «они встречаются». А дети откуда? Сейчас крайность другая, теперь получают удовольствие от произнесения каких-то слов. Газета «СПИД-Инфо», например, — забавная детская газета для взрослых.

Муж за поэта Владимира Лившицу, мы дружили домами, она стала довольно известной художницей. Если она еще жива, то, наверное, живет в Москве.

Второй брак продолжался очень долго — 37 лет. Наташа была замечательная, образованная, талантливая, красивая женщина, журналистка. Она скончалась в 89-м году.

Я, между прочим, и сейчас женат. У меня чудная жена Алла. Мы познакомились на ее творческом вечере в Доме композиторов, на следующий день она при-

Новая семья: жена Алла и ее дочь Марина.